

На посошок

В одной кровати с Клаудией и медвежатами

Неделя. — 1994. — нояб. (н.ч.) — с. 15

Лучше было не приезжать в Британию Дэвиду Копперфилду. Величайший, по собственным словам, иллюзионист всех времен и народов, впервые попавший сюда с гастролями, услышал здесь о себе совсем не то, что он наверняка рассчитывал услышать.

О том, что он величайший, не говорил почти никто, а вот то, что с чувством юмора у него плохо и что его представления — это типичный американский китч, сочли своим долгом сказать почти все рецензенты.

Прошлись они, понятно, и по отношению его с Клаудией Шиффер, одной из самых высокооплачиваемых в мире манекенщиц, ставшей невестой Копперфилда.

Самое загадочное, иллюзионное в нем — это то, провозгласила лондонская пресса, как человеку, "такому страшному, удалось подцепить женщину, такую роскошную".

Дальше — больше. В каком-то интервью Копперфилд обмолвился случайно, что иногда с Клаудией не спит, поскольку терпеть не может, что с собой в постель она тащит массу плюшевых медвежат, тигрят и прочих игрушек.

"Что бы ни вытворял Дэвид, — заметил один рецензент, — какой бы трюк он ни разыгрывал, проходя, например, через Великую китайскую стену или делая так, чтобы на глазах зрителей исчезла нью-йоркская статуя Свободы, ничто не может вызвать удивления большего, чем "постельные его манеры": он позволяет

плюшевым игрушкам лечь на пути между ним и женщиной, ради которой любой смертный готов сразиться хоть с Кинг-Конгом". "Впрочем, — добавил рецензент, — может, поэтому Клаудия Шиффер и укладывает в кровать медвежат".

Гастроли Копперфилда в Британии фиаско, конечно, никак не назовешь: от некоторых его трюков и в самом деле приходится ахать в полнейшем изумлении. Но, по правде говоря, мне и, как я понял по их реакции, многим из соседей моих по зрительному залу в столичном Эрлс Корт понравилось куда больше не то, с какой легкостью перемещал иллюзионист отрезанные головы своих ассистентов, возвращая их потом на место, и даже не умение его летать над сценой, схватив в охапку какую-то тяжеленную зрительницу, а фокусы, куда более простенькие, такие, что могут показывать даже у нас, в цирке на Цветном.

В простоте Копперфилд и точно смотрится куда привлекательнее, изящнее и искуснее, чем в сложнейших своих трюках, которые — и тут я полностью согласен с британскими рецензентами — настолько отдают Бродвеем, американским "хайпом", гротескностью, что, даже сам того не желая, пытаешься отыскать в его волшебствах хотя бы крошечную детальку несовершенства, дабы воскликнуть потом со злорадством: "Надувает ведь!"

Приезд Копперфилда, который рожден был Дэвидом Коткиным, потомком евреев из России, отмечен был скандалом, куда более громким, чем ехидные и саркастические отклики печати. Буквально перед самыми гастролями отказался работать с Дэвидом его пресс-агент. Отказался после того, как иллюзионист обвинил его в нелояльности: на репетиции, после очередного трюка, агент не вскочил с места и не присоединился к другим в овации. "Копперфилд, — говорит он сейчас, — окружил себя блюдолизами. С их помощью он убеждает себя, что он легендарен. Они и стараются вовсю. Дело доходит до смешного: газетные вырезки, с которыми они его знакомят, подбираются так, чтобы в них не было и слова критики, а в разговорах с ним ему обязательно скажут, какие красивые у него глаза. Ему бы совсем не помешало влияние огромной дозы скромности".

Но, как говорят в таких случаях в Америке, "он хохотал всю дорогу в банк": пусть это хайп, китч или, если воспользоваться типично нью-йоркским словечком, шамальтц, но с ежегодным заработком в 26 миллионов долларов и с астрономическими, по британским стандартам, ценами билетов на его концерты почти в полсотни фунтов Дэвид Копперфилд может беззаботно позволить себе собирать в свой архив даже те газетные вырезки, которые старательно упрятывают от него его ассистенты.

Александр ШАЛЬНЕВ.
Лондон.